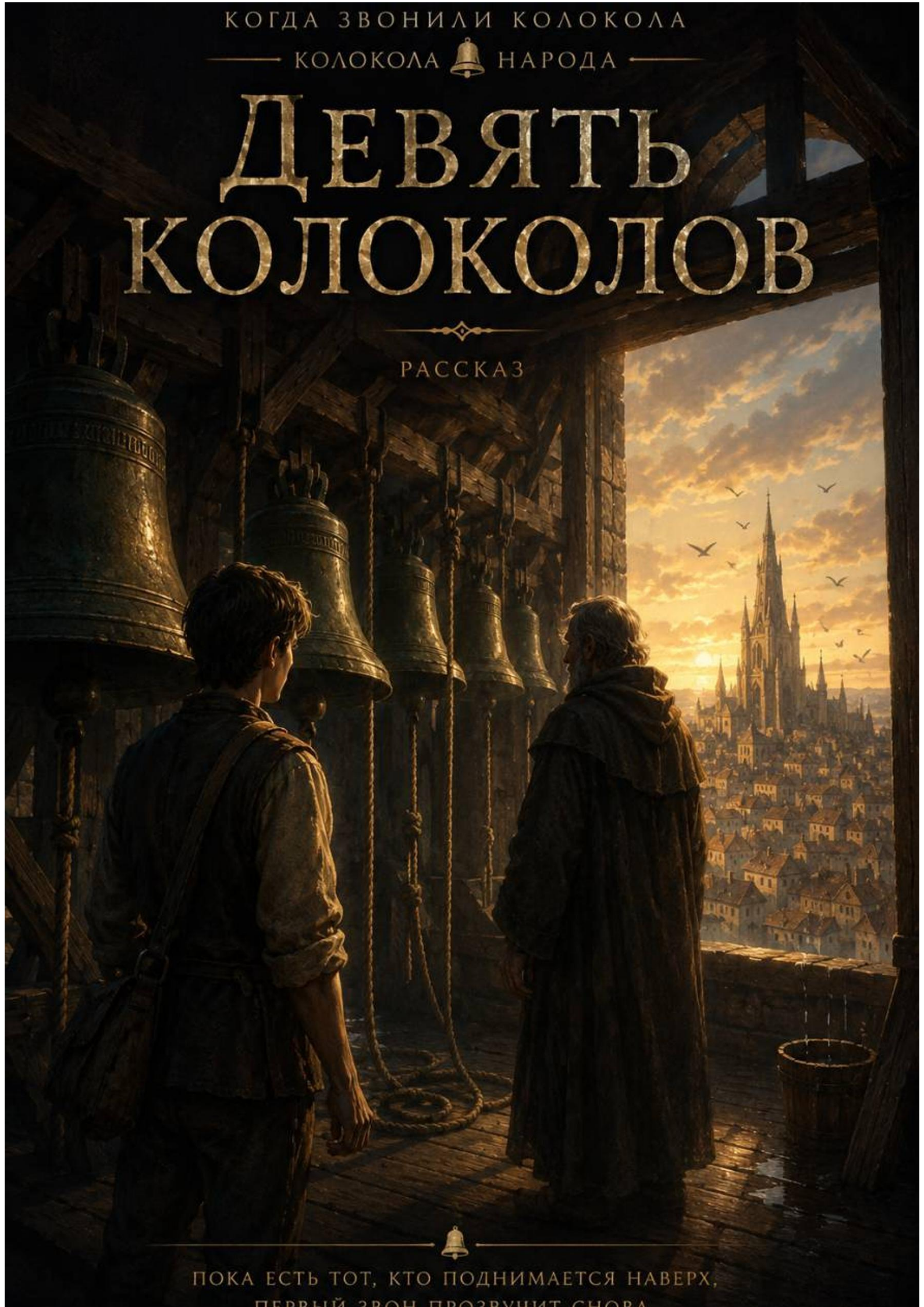

КОГДА ЗВОНИЛИ КОЛОКОЛА

— КОЛОКОЛА НАРОДА —

ДЕВЯТЬ КОЛОКОЛОВ

РАССКАЗ

ПОКА ЕСТЬ ТОТ, КТО ПОДНИМАЕТСЯ НАВЕРХ,

ПЕРВЫЙ ЗВОН ПРОЗВУЧИТ СНОВА

Folder World

Девять Колоколов

«Автор»

2026

World F.

Девять Колоколов / F. World — «Автор», 2026

Каждое утро над Люмерией звучат девять колоколов. Их голос будит город, собирает людей на праздник, зовёт на молитву и провожает в последний путь. Но мало кто задумывается, кто поднимается по бесконечной лестнице ещё до рассвета, чтобы эти колокола однажды заговорили. Молодой послушник Лукас Бергман уверен, что работа звонаря — всего лишь вовремя потянуть за верёвку. Однако старый мастер думает иначе. Сначала Лукас учится держать метлу. Затем — чистить бронзу, чувствовать дерево, слышать тишину и понимать, что за каждым великим звоном скрываются годы незаметного труда. «Девять колоколов» - тёплая история о мастерстве, преемственности поколений и людях, которые незаметно для всех берегут то, без чего целый город однажды может проснуться в тишине.

© World F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава I. Лестница	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Folder World

Девять Колоколов

От автора

У каждого государства есть голос. Иногда это голос правителей. Иногда - голос побед, но чаще всего его почти никто не замечает.

Он рождается в стуке молота кузнеца, в скрипе мельничного колеса, в утренней молитве, в запахе свежего хлеба и в звоне колоколов, который каждый день напоминает людям, что жизнь продолжается.

Когда мы читаем историю, мы редко спрашиваем, кто каждый день поднимался на башню, чтобы этот звон никогда не смолкал.

Этот рассказ - именно о таком человеке. И о том, как однажды ученик понял, что некоторые дела становятся великими только потому, что кто-то повторяет их всю жизнь.

Пролог

Весна в Люмерии всегда начиналась незаметно. Не в один день. Не с первым теплым утром и не с появлением молодой травы. Она приходила медленно, словно сама боялась нарушить покой долгой зимы.

Ещё вчера над землями Люмерии по утрам стелился холодный туман, скрывавший поля, сады и дороги густой серебристой дымкой. Каменные стены домов хранили ночную прохладу, а на черепичных крышах еще блестели прозрачные капли росы.

Сегодня же ветер изменился. Он пришёл с юга, принес с собой едва уловимый запах влажной земли, молодой листвы и речной воды, освободившейся ото льда. Где-то за городской стеной уже распускались первые цветы, а на старых липах появлялись крошечные зелёные листья. Солнце то выглядывало из-за облаков, окрашивая светлым золотом башни и крыши Солхейма, то снова исчезало за плотной серой пеленой. Казалось, даже небо ещё не решило, наступила ли весна окончательно. Солхейм встречал новое утро.

Столица Священной Люмерии никогда не спала долго. Ещё до первых ударов утренних колоколов открывались лавки ремесленников, пекари выносили на прилавки тёплый хлеб, а по мощеным улицам уже спешили люди, каждый по своим делам.

Женщины открывали ставни домов, впуская в комнаты прохладный утренний воздух. Торговцы расставляли корзины с овощами, тканями и керамикой. Где-то слышался звон молотка кузнеца, в другом конце улицы мальчишки уже гонялись друг за другом, не обращая внимания на недовольные окрики взрослых.

Белокаменные дома с красновато-коричневыми крышами тянулись вдоль широких улиц, а между ними возвышались многочисленные часовни и небольшие храмы. Над всем этим, словно наблюдая за городом, поднимались башни Главного Собора Тириона. Их светлый камень даже в пасмурную погоду казался почти белым, и потому собор был виден практически из любой точки столицы.

Именно туда каждое утро стекались сотни людей. Кто-то приходил на службу. Кто-то — за советом. Кто-то - чтобы поблагодарить богов, а кто-то просто искал несколько минут тишины среди шумного города.

Главный Собор проснулся задолго до жителей столицы. Во внутреннем дворе послушники носили воду из глубокого каменного колодца, подметали дорожки, убирали прошлогоднюю листву из небольшого сада и протирали бронзовые подсвечники перед утренней службой. Молодые служители спешили по длинным крытым галереям, стараясь не опоздать к своим обязанностям, а пожилые жрецы неторопливо беседовали под высокими арками, словно никуда не торопились.

Из распахнутых дверей доносился густой запах ладана, воска и старого дерева. Запах, который невозможно было спутать ни с чем другим. Он десятилетиями впивался в каменные стены собора, в дубовые двери, в тяжелые скамьи и даже в одежды священнослужителей. Стоило вдохнуть его однажды - и человек запоминал его на всю жизнь.

Именно сюда ранним весенним утром впервые пришёл юноша по имени Лукас Бергман. Ему недавно исполнилось восемнадцать. Он был высок, но худощав, словно ещё не успел окончательно вырасти. Светло-русые волосы непослушными прядями спадали на лоб, а серые глаза с любопытством скользили по всему, что попадалось на пути. В этих глазах ещё не было ни усталости старших служителей, ни спокойствия опытных жрецов. Только волнение человека, перед которым впервые открывался новый мир.

Одет Лукас был просто. Светлая льняная рубаша, подпоясанная тонким кожаным ремнем, тёмные дорожные штаны и уже немного стоптанные сапоги, успевшие пройти вместе с хозяи-

ном не один десяток километров. Поверх одежды лежал короткий серый плащ послушника - ещё совсем новый, почти не знавший дождя. За плечами висела небольшая дорожная сумка. В ней помещалась почти вся его жизнь. Две смены одежды, молитвенник с потертыми уголками страниц и небольшой деревянный крест Тириона, который мать вручила ему перед дорогой.

Рядом лежал аккуратно перевязанный свиток с рекомендацией настоятеля небольшого сельского прихода. Именно благодаря ему двери Главного Собора Солхейма открылись перед юношей.

Он остановился у высокой лестницы, ведущей ко входу. Белый камень собора уходил вверх так высоко, что приходилось запрокидывать голову. Над дверями сияло огромное круглое окно из цветного стекла. Даже сквозь пасмурные облака оно ловило редкие лучи солнца, окрашивая ступени голубыми, золотыми и алыми пятнами. Лукас глубоко вдохнул.

— Ну вот...—Он улыбнулся самому себе. — Только бы не опозориться.

Ещё мальчишкой он представлял именно этот день. Он видел себя в огромной библиотеке среди бесконечных стеллажей. Представлял, как будет осторожно переписывать древние рукописи. Как старые жрецы будут объяснять ему значение забытых молитв. Как однажды ему доверяют самому провести службу.

Кабинет настоятеля оказался удивительно скромным.

Лукас почему-то ожидал увидеть просторный зал с высокими сводами, дорогими коврами, позолоченными подсвечниками и длинными рядами книжных шкафов. Всё-таки перед ним должен был сидеть человек, управлявший не только Главным Собором Солхейма, но и десятками храмов по всей округе.

Вместо этого комната встретила его почти монашеской простотой.

У широкого окна стоял тяжелый дубовый стол, отполированный до блеска десятилетиями работы. На нём лежало несколько аккуратных стопок свитков, песочница для просушки чернил, медный подсвечник и деревянное распятие Тириона без единого украшения. Вдоль стен тянулись книжные шкафы, до отказа заполненные рукописями и толстыми переплетами. В воздухе стоял знакомый запах старой бумаги, воска и ладана, а из приоткрытого окна доносился приглушенный шум просыпающегося двора.

За столом сидел пожилой человек в длинной белой рясе. Возраст почти полностью выбелил его волосы, но лицо трудно было назвать старческим. В нём не чувствовалось немощи. Напротив — спокойствие человека, который давно научился не спешить. Его спина оставалась удивительно прямой, а тонкие пальцы двигались так уверенно, словно годы не имели над ними власти. На переносице покоились очки в тонкой серебряной оправе, едва заметно поблескивали в утреннем свете.

Настоятель молча протянул руку. Лукас поспешно достал из сумки аккуратно перевязанный свиток.

— Рекомендательное письмо, отец-настоятель.

Старик лишь кивнул. Он неторопливо снял шёлковую ленту, развернул пергамент и начал читать.

В комнате стало тихо. Лукас стоял, не зная, куда деть руки. За окном послушники перекатывали тяжёлые бочки с водой. Где-то далеко хлопнула дверь. Со двора донёсся звонкий смех, который тут же стих, словно кто-то сделал замечание.

Настоятель продолжал читать не торопясь. Строка за строкой. Иногда едва заметно кивал самому себе, иногда задерживал взгляд на отдельных местах. Лукасу казалось, что проходит целая вечность.

Наконец старик аккуратно свернул письмо и положил его перед собой. После этого поднял глаза. Этот взгляд длился всего несколько секунд.

Но Лукасу вдруг стало не по себе, но старик первым нарушил молчание.

— Значит...—Он слегка кивнул.— Лукас Бергман.

— Да, отец-настоятель.

Настоятель ещё раз посмотрел на письмо. Затем спокойно произнёс:

— Первые недели проведешь в колокольне.

Лукас не сразу понял услышанное.

— Простите... — Он даже невольно подался вперед. — Где?

— У звоноря.

Ответ прозвучал настолько буднично, словно речь шла о самой очевидной вещи на свете.

Настоятель уже потянулся к следующему свитку. Для него разговор был почти окончен.

— Но... — Лукас запнулся. — Я думал...меня направят...

— В библиотеку?

Юноша смущенно кивнул. На лице старика появилась едва заметная улыбка. Не насмешливая, скорее понимающая.

— Все так думают.

Он медленно поднялся из-за стола. Несколько мгновений молча смотрел во внутренний двор из окна. Послушники носили воду, служители раскладывали длинные деревянные скамьи, молодой жрец терпеливо показывал мальчику, как правильно зажигать лампы. Собор жил своей привычной жизнью, в которой каждый уже знал свое дело. Настоятель негромко произнес:

— Молодые люди часто считают, что служение начинается с книг. — Он обернулся. — Потому что книги хранят мудрость. — Сделал небольшую паузу. — Но мудрость редко приходит первой. Она приходит после труда, после ошибок, после терпения.

Его взгляд снова остановился на Лукасе.

— Настоящее служение начинается не в библиотеке. — Он чуть улыбнулся. — Оно начинается с работы.

Лукас опустил глаза. Ему очень хотелось спросить, какое отношение колокольня имеет к служению. Но почему-то он был почти уверен, что ответ на этот вопрос ему придется искать самому.

Пока Лукас стоял, настоятель подошел к двери и открыл её.

— Брат Матвей.

Из коридора почти сразу появился крепкий мужчина лет сорока. Широкоплечий, с короткой тёмной бородой и добрыми карими глазами. Его белая ряса была закатана до локтей, а на рукавах виднелись следы известковой пыли. Создавалось впечатление, что ещё минуту назад он что-то ремонтировал.

— Да, отец-настоятель?

— Проводи нашего нового послушника к звонарю.

Матвей весело посмотрел на Лукаса.

— Первый день?

— Да...

— Тогда поздравляю.

Лукас неуверенно улыбнулся.

— С чем?

— Скоро узнаешь.

Матвей оказался человеком, который не умел долго молчать. Едва они вышли во двор, как он уже начал рассказывать обо всём подряд.

— Видишь тот фонтан? Его построили ещё при архиепископе Ролане. Вода в нём такая холодная, что летом половина послушников специально задерживается возле него подольше.

Они свернули под каменную галерею. — А вот там кухня. Если почувствуешь запах свежего хлеба — знай, сестра Марта опять испекла больше, чем нужно. Она всегда так делает. Говорит, вдруг кто-нибудь голодный зайдёт.

Лукас невольно улыбнулся.

— Вы давно здесь служите?

— Двадцать три года, а кажется, будто только вчера сам заблудился в этих коридорах.

— И всё время в соборе?

— Почти. Матвей пожал плечами. — Меня уже куда только не отправляли. И на кухню, и в архив, и в мастерские.

Он хитро посмотрел на юношу.

— Даже в колокольню.

Лукас оживился.

— Правда? И как там?

Матвей рассмеялся.

— Если я тебе сейчас все расскажу старик мне этого не простит.

Они вышли из-под арок. Перед ними возвышалась колокольня. Она казалась ещё выше, чем издавна. Серые облака почти касались её вершины.

— Вот мы и пришли.

Матвей уже сделал несколько шагов прочь, когда вдруг остановился. Не оборачиваясь, сказал:

— Лукас.

— Да?

— Постарайся услышать не только колокола.

Юноша нахмурился.

— А что ещё?

Матвей усмехнулся.

— Сам поймёшь.

И ушёл. Лукас ещё несколько секунд смотрел ему вслед. Потом медленно перевёл взгляд на старую дубовую дверь. Тяжёлую. Потемневшую от времени. На её поверхности виднелись тысячи мелких царапин, оставленных руками тех, кто поднимался сюда задолго до него.

Он положил ладонь на холодное железное кольцо. Глубоко вдохнул и толкнул дверь.

Глава I. Лестница

Тяжёлая дубовая дверь медленно закрылась за спиной Лукаса.

Сначала послышался скрип старых петель, затем глухой удар, от которого по всей башне прокатилось долгое каменное эхо. Будто сама колокольня спокойно сообщила: *"Теперь ты внутри."*

Лукас невольно обернулся. Дверь уже стояла неподвижно, словно никогда и не открывалась. За ней по-прежнему жил собор. Доносился приглушённый смех послушников, звон посуды с монастырской кухни, негромкие голоса жрецов, спешивших к утренней службе. Где-то совсем рядом хлопнула дверь, кто-то окликнул товарища, и всё это смешалось в далёкий, почти неразличимый шум.

Башня же словно существовала отдельно. Она не была тихой, совсем нет. Где-то высоко поскрипывали старые балки. Ветер негромко посвистывал в узких бойницах. Из глубины доносилось редкое потрескивание дерева. Время от времени сверху срывалась песчинка или крошечный камешек, ударялся о ступени и снова всё затихало.

Это была не пустая тишина. Так звучат очень старые места. Места, которые слишком долго стоят на одном месте и давно привыкли жить собственной жизнью.

Лукас медленно поднял голову. Перед ним начиналась винтовая лестница. Она поднималась вдоль круглой каменной стены широкими известняковыми ступенями и уже через несколько витков исчезала в сером полумраке. Казалось, будто дальше её просто нет. Будто лестница не заканчивается площадкой, а растворяется где-то среди облаков.

Он сделал несколько шагов ближе. Ступени были светлыми, но время давно сгладило их острые края. Посередине каждой темнела неглубокая выемка. След бесчисленных ног. Люди поднимались здесь год за годом. Послушники, жрецы, звонари, ученики. Наверное, некоторые из них тоже впервые стояли сейчас именно на этом месте и смотрели вверх с тем же самым выражением лица.

Лукас машинально провёл ладонью по толстому канату, натянутому вдоль внутренней стены. Грубые волокна оказались неожиданно тёплыми. От постоянных прикосновений человеческих рук верёвка потемнела и стала почти гладкой. *"Сколько же людей держались за неё до меня..."* — мелькнула мысль. Высоко над головой что-то негромко скрипнуло. Юноша снова посмотрел вверх, ничего. Только темнота и бесконечная лестница. Он шумно выдохнул. — Да вы издеваетесь...

Слова сорвались сами собой. Они тут же ударились о каменные стены и вернулись обратно. — ...издеваетесь... — Лукас поморщился. — Даже эхо здесь какое-то недовольное.

Он поставил ногу на первую ступень. Потом на вторую, третью.

Первые десятки ступеней дались легко. Он ещё чувствовал себя бодрым после дороги и даже решил считать. Не столько ради интереса, сколько чтобы хоть как-то отвлечься.

— Двадцать семь... Шаг. — Двадцать восемь... — Двадцать девять...

Лестница всё так же неторопливо закручивалась вверх. Одинаковые ступени, одинаковые стены, одинаковые узкие окна, через которые проникал холодный утренний свет. Казалось, башня специально не меняется, чтобы человек как можно быстрее потерял ощущение расстояния.

На сорок какой-то ступени Лукас сбился. Он остановился и нахмурился. Попытался вспомнить. Потом махнул рукой. — Да какая теперь разница... Лестница всё равно не заканчивалась. Она словно упрямо продолжала убегать вверх, каждый раз открывая новый виток, за которым обнаруживался точно такой же.

Лукас невольно вспомнил последние слова брата Матвея. *"Не торопись делать выводы..."* Он невесело усмехнулся.

— Легко тебе говорить...—Очередная ступень. Потом ещё одна. — Ты-то уже спустился.

С каждым новым витком дыхание становилось тяжелее. Плечо неприятно натирал ремень дорожной сумки. Ноги, ещё недавно бодро шагавшие по улицам Солхейма, теперь наливались усталостью.

Лукас остановился, снял сумку, перехватил её другой рукой и медленно размял пальцы. Потом подошёл к узкому окну. Из него открывался вид на внутренний двор собора. Отсюда люди уже казались совсем маленькими. Послушники по-прежнему носили воду, кто-то катил бочку, несколько жрецов пересекали двор, не подозревая, что один молодой послушник уже начинает тихо ненавидеть всё, что связано с колокольной.

Лукас поднял голову ещё раз вверх. Ничего. Лишь новый виток лестницы. И ещё один и ещё. Он тяжело вздохнул.

— Надеюсь... Сам звонарь живёт хотя бы не выше облаков.

Он снова начал подниматься. Один виток. Потом ещё один и ещё. Лестница будто решила проверить, сколько у человека терпения. Лукас уже перестал надеяться, что за следующим поворотом покажется площадка. Каждый новый круг лишь открывал точно такой же, а тот — ещё один. Каменная спираль не менялась. Она словно смеялась над теми, кто пытался найти её конец. Юноша невольно усмехнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.